

DOI 10.15393/j9.art.2015.3021

УДК 821.161.1.09“18“-31

Татьяна Васильевна Федосеева*Рязанский государственный университет**имени С. А. Есенина**(Рязань, Российская Федерация)*

t.fedosееva@rsu.edu.ru

РУССКИЕ ПРЕДАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ М. Н. МАКАРОВА*

Аннотация. В статье исследуется творчество одного из малоизвестных русских писателей первой трети XIX века М. Н. Макарова. Исследовательский интерес к творчеству писателя обусловлен дискуссионностью вопроса о жанровой специфике русской прозы 1830-х годов, а также актуальностью для нашего времени выраженного автором православно-государственного типа мышления. В сборнике «Повести из русских народных преданий» обнаруживается ориентированность на фольклор как форму выражения духа нации и народной этики. Исторические, топонимические, этногенетические предания Владимирской, Новгородской, Рязанской, Московской земель составляют фабульную основу повестей сборника. На поэтико-стилистическом уровне анализируемые произведения сопоставимы с карамзинской моделью сентиментально-предромантической повести 1800-х годов. Ее типологическая специфика состоит в прерывистом характере сюжетной линии; особом внимании к судьбе частного человека; «готическом антропологизме», утверждении единства человека и природы, нравственной сущности человека прошлого и настоящего. Беллетризованные предания в повестях Макарова служат акцентуации православных в своем основании духовных ориентиров и нравственных ценностей народа. В результате проведенного исследования обосновывается особый тип фольклоризма русской исторической повести первой трети XIX века. Ее своеобразие состоит в совмещении типологических черт устнопоэтического и литературного жанров.

Ключевые слова: литература, фольклор, М. Н. Макаров, народное предание, дух нации, народная этика, православный быт, историческая повесть, поэтика жанра, стилистика

Михаил Николаевич Макаров (1785–1847) — русский фольклорист, лексикограф, писатель, историк литературы — относится к числу активных деятелей культурной

эпохи постдекабристского периода, своим творчеством выразивших умонастроения того слоя русского общества, за которым закрепилось определение «охранительного», «консервативного». В современном мире имя Макарова известно лишь узкому кругу специалистов. Одна из причин тому, на наш взгляд, — непопулярность в России XX века литературного движения, утверждавшего древнерусскую традицию православно-государственного мышления. Этот тип мышления, несомненно, был свойствен поэтам и писателям, определившим своим творчеством русскую литературу первой трети XIX века: Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю. Однако рядом с этими великими, прославленными именами было множество тех, которые принадлежали, в соответствии с установившимися литературными репутациями, ко второму и третьему ряду. С великими их объединяло стремление художественно выразить национальное русское самосознание, первоначально образно оформившееся в мифологии и фольклоре.

Среди современников за М. Н. Макаровым закрепилась репутация человека, увлеченного сбором народных преданий, поговорок, поверий, былей. Нередко в его адрес звучала критика, обусловленная отсутствием исторических документов, подтверждающих истинность записанных им фольклорных текстов, а также слишком вольная, на взгляд рецензентов, интерпретация народных текстов. Лишь после смерти писателя современники оценили его собирательство, заметив в нем выражение «любви к отечеству и преимущественно к Рязанской губернии»¹. Много десятилетий спустя в фундаментальном труде по истории отечественной фольклористики М. К. Азадовским утверждалось, что «Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские» (1828) и «Опыт русского простонародного словотолковника» (1848) Макарова предшествовали общепризнанным трудам В. И. Даля. Однако сложившаяся еще при жизни «незавидная репутация» Макарова мешала «распознать и осмыслить его подлинное значение» [1, 126]. Современные исследователи с большим доверием относятся к изданиям Макарова, включая собранные им тексты в свои сборники (см.: [3], [8]). И все же

«подлинное значение» трудов Макарова до настоящего времени остается не осмысленным и по достоинству не оцененным.

Разносторонняя деятельность М. Н. Макарова выделена для изучения как самостоятельная область лишь в последние десятилетия [11]. Однако специфика литературного творчества писателя до настоящего времени не подвергалась системному анализу. Лишь в недавней статье А. И. Разживина стихотворная повесть писателя «Кривич-христианин и Ягая» (1827) рассматривается как оригинальное поэтическое произведение в контексте распространенных в русской литературе первой трети XIX века сочинений в «народном духе» [9, 49–50]. «Повести из русских народных преданий» Макарова в нашем исследовании анализируются в контексте творческой эволюции писателя, с точки зрения типологических связей с фольклорным жанром предания и исторической повестью русской литературы 1800-х годов впервые.

Внимание к народному творчеству было свойственно в начале XIX века широкому кругу русской общественности. В большой степени оно культивировалось русскими писателями и поэтами. Фольклорные сюжеты и мотивы нередко становились основанием для стилизации, мистификации, оригинальных литературных произведений; фрагменты фольклорных текстов включались в авторские тексты. По наблюдениям Д. Н. Медриша, в Новое время возросло понимание различия между литературой и фольклором, очевидным было стремление писателей овладеть поэтикой устного народного творчества, культивировались однотипные жанровые модели: фольклорная песня — литературная песня, народная сказка — литературная сказка, героический эпос — героическая поэма [6].

В произведениях повествовательных жанров начала века интерес русских писателей к фольклору накладывался на предромантический тип исторического мышления. Архаические источники трактовались соответственно нравственному и духовному идеалу на уровне осознания ценностных ориентиров нации. Национальные корни обретались за пределами времени, «просвещенного» реформами Петра

Великого, в мифологизированном образе русской «старины». Сюжеты легенд и народных преданий включались в произведения различных жанров, популярных в первые десятилетия XIX века, — баллад, поэм, повестей. В. Г. Базанов определял результаты свободной интерпретации фольклорных источников как «наивные стилизации и подделки», он называл их «псевдонародными», хотя и отмечал как достоинство свойственное их авторам «позитивное отношение к фольклору» [2, 334]. Современные исследователи отмечают, что стиливая и композиционная неоднородность повестей в «народном духе», которым дано определение «старинных», обусловлена вниманием к духовному, иррациональному содержанию истории. В литературном творчестве восторжествовало стремление осмыслить метафизику нации, актуализировалась историческая память народа, сохранившаяся в легендах и преданиях [5, 77–86].

Начало творческой судьбы уроженца Рязанской губернии М. Н. Макарова связано с Москвой, за которой уже тогда закрепилась слава хранительницы русской «старины». В 1800-х годах вопрос о сближении литературного творчества с народным остро ставился в трудах Ан. И. Тургенева, А. Ф. Мерзлякова, А. С. Кайсарова. К этому кругу Макаров был близок в 1800-х годах, в период ученичества, сначала в Благородном пансионе Московского университета, потом в частных пансионах, и затем во время службы в Коллегии иностранных дел (Московском архиве). Он был лично знаком с А. Ф. Мерзляковым, Д. И. Хвостовым, И. И. Дмитриевым, Ю. А. Нелединским-Мелецким, В. Л. Пушкиным, П. И. Шаликовым, Ф. Ф. Ивановым и др. По собственным воспоминаниям писателя, особенно близок ему был А. С. Грибоедов, приятельские отношения с которым продолжались вплоть до 1826 года [13, 228].

Совсем молодым человеком (семнадцати-девятнадцати лет) Макаров заявил о себе как поэт, журналист и издатель: автор лирических сборников, переводных и оригинальных пьес, заметок о русском театре, один из редакторов «Журнала для милых» (1804) и «Журнала драматического» (1811). Своей живой активностью и непосредственностью

самовыражения вызвал ироническое к себе отношение и череду скандалов, связанных с литературно-биографическими мистификациями и обвинением в якобы фривольном содержании материалов «Журнала для милых», издаваемого в компании с другими молодыми литераторами.

Интерес к народному творчеству М. Н. Макаров проявлял уже в начале своей литературной деятельности. Его сборник «Русское национальное песнопение» содержит начала исторического изучения русского фольклора. Это издание выходило еженедельно в качестве приложения к журналу «Московский вестник» в 1809 году. В сборник входили тексты песен, исторические комментарии к ним, рассуждения об их характере. Свое место в издании заняли «Краткие исторические известия о национальном российском песнопении» с наблюдениями, касающимися поэтической и стихотворной специфики народных песен, а также «Введение» и заметки «От издателя». Автор сборника отмечает, что народные песни создавались в древности на тот или иной случай, сохранили правду о давних временах, это «родъ нѣкоторыхъ историческихъ отрывковъ»²; утверждает необходимость бережного отношения к произведениям устного народного творчества, указывает на недопустимость нарушения их чистоты путем изъятия фрагментов, не отвечающих вкусу издателя, «исправления» их и дополнения. Именно необходимостью издания народных песен без следов вмешательства современного издателя он объясняет свой труд, сообщая о намерении сохранить в каждом тексте красоту слога и колорит эпохи.

Отдельные тексты Макаров сопровождал не только комментариями, но также истолкованием старинных слов. Он предпринимал первые шаги к установлению истории народных песен, говорил о необходимости собирать и публиковать материалы об их создателях, народных песнопевцах. В расположении народных песен издателем была принята первичная систематизация их по тематическому принципу. Стремясь к реализации своего основного замысла — создания полного свода народной песни и ее истории, — Макаров перепечатывал некоторые тексты из числа опубликованных

ранее, обращался к читателям с просьбой о присылке ему новых текстов. Он просил сообщать «всѣ подробности» о них, призывал восстанавливать оригинальные тексты, исправлять погрешности переписчиков и издателей. Отмечал также, что в отдельных случаях (например, при использовании ненормативной лексики) можно изменить текст оригинала, но так, «чтобъ поправка въ словѣ или цѣломъ реченіи, вновь введенномъ, сохранила всю оригинальность, правильность и плавность древней Поэзіи». Просил также «сказывать голоса тѣхъ пѣсенъ, которыя поются на голосъ другихъ»³. Таким образом, Макаров четко определил круг вопросов, необходимых для разрешения в зарождающейся русской фольклористике, впервые сформулировал правила и дал «инструкции для записи и собиранія народных текстов» [1, 127].

Собираніе фольклора М. Н. Макаров продолжил и по выходе в отставку в 1813 году, когда в течение нескольких лет большую часть времени проводил в родовых рязанских имениях. Более благоприятные возможности для собирательской деятельности открылись по вступлении на службу к московскому генерал-губернатору А. Д. Балашову в качестве чиновника по особым поручениям [11, 468]. В 1825–1826 годах по поручению генерал-губернатора Макаров «обѣхал весь округ», включавший Воронежскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую губернии⁴. Во время этих поездок им были собраны материалы для Словаря областных русских слов, исторических и бытописательных очерков и хроник, которые публиковались в ряде центральных изданий. Среди них — Труды и летописи Общества истории и древностей России, Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете, журналы «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Телескоп», «Московский наблюдатель» и др.

Народные предания, собранные во время поездок, послужили М. Н. Макарову материалом для сочинения в жанре путевых очерков «Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова, и обратно в Москву» (1830), а также сборника «Повести из русских народных преданий» (1834). Сборник повестей был

посвящен «Тайному Советнику, Сенатору, Действительному Каммергеру и Кавалеру, разных Ученых Обществ Действительному и Почетному Члену» графу Ф. А. Толстому. В посвящении подчеркивалась ориентированность сочинений на устное слово: «...въ сихъ Повѣстяхъ, не ищите совершенствъ писателя отличнаго. Это одни только вѣрные списки съ рассказовъ самыхъ простыхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ»⁵. Судя по тому, что издание было повторено в 1851 году, оно имело успех у читателей.

Сборник повестей Макарова состоит из восьми пронумерованных и имеющих названия повестей, расположенных в хронологической последовательности. Композиционно они оформлены как «рассказ в рассказе». В большинстве их повествование ведется от лица персонажей, которые названы автором условно — нищий-слепец, чернец, старый рассказчик, мой дедушка, древние песнопевцы-сказочники. Лишь однажды в качестве источника древнего предания выступает «приятель» автора, имя которого спрятано за криптонимом «С...въ»⁶. В другой раз упоминается некая рукопись, доставшаяся автору после смерти одного из друзей, названного «С. И. Кр.к.вым»⁷. Каждый раз автор повести утверждает, что источником сюжета послужило народное предание, в том или ином виде сохранившее народную память о событии, месте, памятнике культуры.

В современном определении, данном Т. В. Зуевой, преданием названа «устная летопись», жанр несказочной прозы с установкой на историческую достоверность». Исследовательница разделяет их на группы, среди которых в качестве основных называются «исторические, топонимические, этногенетические, о заселении и освоении края, о кладах, этиологические, культурологические» [4, 794]. В повестях сборника Макарова специфика фольклорного жанра обнаруживается в воссоздании самой ситуации рассказывания и ориентированности на историческую правду, сохранившуюся в народной памяти.

Автор повестей воссоздает обстановку, в которой была услышана та или иная история, иногда называет примерную дату рассказывания. Так, первая повесть сборника

«Пронский Ростиславец», имеющая подзаголовок «Повесть из Рапсодии Бедняка», начинается сообщением:

Въ 1799 году, на возвратномъ пути изъ Малороссіи въ Рязань, застигнутый глубокою осеннею ночью, я нашель себѣ пріютъ въ одномъ изъ окрестныхъ селеній Ростиславскихъ, и тамъ, посреди многочисленнаго семейства крестьянъ, въ домѣ столѣтняго старца, слышалъ пѣсни странника, нищаго-слѣпца (2–3).

Предваряет историю утверждение старца: «И все это сущая правда, такъ рассказывали намъ дѣды, а имъ, нашимъ дѣдамъ, ту же правду передавали ихъ дѣды и прадѣды» (4).

Безымянный рассказчик у Макарова всегда связан с характером сообщенной им истории. Первая повесть сборника обращена к доисторическим временам, когда только рождалось славянство. Героиней ее является Шамова, дочь легендарного Хаверта, великого жреца восточного народа, пришедшего «со счастливыхъ береговъ Ганга», на берега реки Прони (Проны), чтобы избежать засилия Могола, не поклоняться чужим богам и обрести желанную свободу. В Ростиславце Хаверт стал супругом Лыбеды, сестры вождя праславянского племени, который по болезни и дряхлости лет уступил ему правление. От дочери Хаверта Шамовы и волынского витязя, утверждает рассказчик, и произошли русские князья.

Вторая повесть сборника «Дочь Гостомысла. Рассказ из Новгородских народных преданий» построена на диалоге автора и его товарища — безымянного чернеца. Предваряется этот диалог замечанием: «непроницаемая, темная завѣса древности сокрыла отъ насъ достовѣрность Истории дочери Гостомысловой». Автор придерживается версии, сохранившейся в норманнских «сказках» (сагах), чернец выражает сомнение в истинности народного предания о самоубийстве Ильмены (Умилы). Он ссылается на свидетельство летописца Нестора, который говорил об Ильмене как о супруге великого князя Упсальского и о том, что благодаря ей «родъ Славянскій слился съ колѣномъ племень Норманскихъ». Чернец вступает в спор с автором, изложившим в своих

стихах одну из народных версий истории Ильмены, якобы гонимой «любовью какого-то сильного властителя Холмоградскаго» и погибшей в волнах озера, названного впоследствии ее именем (27–35).

В основание двух первых повестей сборника положены предания, предлагающие две различные версии о происхождении славянских князей, а следовательно — и российской государственности. Звучат они из уст двух носителей истины. Первый — слепой старец — говорит о свидетельствах народной памяти, опираясь в своем знании на слово устного народного творчества. Второй — безымянный чернец — руководствуется письменным словом, тоже сохранившим историческую правду. В том и другом случае источником повести является древнее свидетельство о двух разных событиях, каждое из которых может рассматриваться в качестве этногенетического предания и предания о заселении земель.

В первой повести говорится о заселении центральной Руси, произошедшем в результате соединении праславянского племени с восточным народом. Во второй — о происхождении северных славян, и снова утверждается соединение праславян с другим народом — теперь уже с норманнами. В первой повести Макарова находит отражение запечатленный киевским летописцем в «Повести временных лет» сюжет о происхождении славян в результате перемещения теснимых волохами древних племен, названных «русью», из верховьев рек Дравы и Дуная на берега Днепра. Вторая восходит к утверждению Новгородского летописца о том, что «русь» приняла в себя «родъ варяжскъ». Пришли, соответственно этой версии, варяги-русь с берегов Варяжского (Балтийского) моря сначала в северо-западные земли, а потом спустились к Среднему Приднепровью. Вопреки киевскому летописцу, назвавшему первым русским князем Кия (по версии М. Н. Тихомирова — конец VIII века), новгородский летописец называл им Рюрика, правившего Русью в 862–879 годах, а Кия — «перевозчиком» или «ловцом», но не князем [12, 52–53]. Открывая свой сборник двумя повестями о происхождении русского государства, Макаров признает

равноправность двух версий и воссоздает летописные сюжеты соответственно изустной форме народного предания.

В третьей—восьмой повестях сборника писатель воспроизводит события, связанные с более конкретно зафиксированными моментами русской истории. Однако не сама история, а человек оказывается в центре внимания автора. Сюжетной основой каждой из повестей является любовная история. Личные судьбы героев складываются в зависимости от установившегося в обществе порядка и определяют не столько событийно, сколько соответственно духу времени, определившему самосознание человека.

Пятая, седьмая и восьмая истории сборника пересказаны самим автором, который дает комментарии и оценку событиям. Эти комментарии были поводом к строгой критике писателя современниками — литературное развитие 1830-х годов уже требовало философского осмысления события, аналитического подхода к факту, а в повестях Макарова сохранялась модель исторического повествования, разработанная на рубеже XVIII–XIX веков, в пределах карамзинской поэтической школы. В сюжетах исторических преданий автором выделяется, очевидно, для него самое ценное — наставительность. Исторические события и лица интерпретируются соответственно установившемуся в начале XIX века пониманию «старины» как идеального времени, в которое люди следовали христианским заповедям.

Событие, описанное в повести «Любовь и закон. Историческое происшествие», относится к 955 году и связано с судьбами первых христиан, крестившихся в одно время с Великой княгиней Ольгой. Герои повести Усерд (в крещении — Ипполит) и Сердцелюба (крещенная именем Веры) не могут составить семью, поскольку являются двоюродными братом и сестрой. Когда Ипполит уже готов был ради своей любви отказаться от Христа, по слову Патриарха Фотия ему было дано разрешение на брак. Завершается повествование поучением от лица «старого рассказчика», который, обращаясь к своим молодым слушателям, предупреждает их об опасности заблуждения «въ мрачномъ лабиринтѣ страстей». Сравнивая прошлое и настоящее, рассказчик

замечает: если от первых христиан «нашъ Господь Богъ требуетъ только одного смиренія гордости, признанія въ любви взаимной и дружбы чистой», то теперь этого недостаточно, «вы озарены уже свѣтомъ чистѣйшей Вѣры» — необходимо «слѣпо повиноваться всѣмъ уставамъ Великихъ Пастырей Церкви: они святы!» (57–58).

Герои повести «Снежана. Из подмосковных преданий», события которой происходят тоже до крещения Руси князем Владимиром, Мирослав и Людмила с честью и сообщая перенесли все лишения незаслуженной опалы от князя, введенного недоброжелателями в заблуждение. Мирослав смиренно принял опалу от князя, которому когда-то спас жизнь в бою. Общее примирение, которым завершается повесть, свидетельствует о миролюбии как черте, утверждаемой летописцами в отношении древних славян. В повести «Филипп Щетинин и Мадлена Тарновская» влюбленные счастливо преодолели разделившую их вражду правителей Польши и Руси, своей преданностью друг другу способствовали установлению мира, хотя и непродолжительного, между правителями двух государств — царем и Великим князем всея Руси Иоанном IV и королем Польши и Литвы Сигизмундом II.

Автор издания, подчеркивая ориентированность народного сознания на христианские ценности, представляет свидетельства того, как эпизоды праведной жизни героев сохраняются в топонимической памяти народа. В повести «Снежана» история, рассказанная дедушкой для назидания внукам, начинается с описания «золотого Мячковского кургана», народная молва о котором разноречива. Его связывают с языческими волхвами и чародеями, захоронением безымянного древнего «ратоборца» и даже с именем былинного персонажа — Соловья-Разбойника, якобы прилетавшего на берег реки Москвы (Смородины) как раз в том месте, где теперь Мячковский курган. Все это, по словам рассказчика, — «бабьи догадки», истинная же история кургана связана с судьбой много и несправедливо страдавших Мирослава и Людмилы, хотя и не знавших Бога, но ведших

кроткую и невинную жизнь. За любовь и взаимную преданность в гонениях им воздается должное.

Конфликт повести «Филипп Щетинин и Мадлена Тарновская» разрешается сообщением о двух памятных местах, связанных с судьбой влюбленных. Недалеко от Кракова, где стоял дворец пана Тарновского, по словам автора, до сих пор показывают место, на котором находилась беседка, соединившая их. Теперь она «обращена въ храмъ примиреній, а садъ украсился памятникомъ любви и дружбы». Вблизи беседки «на одномъ изъ столѣтнихъ деревь, красавицы угадывали, въ слитыхъ и трудныхъ высѣчкахъ, имена Филиппа и Мадлены». В Москве же, где счастливо завершилась история самоотверженных в своей любви героев, сохранилось предание о белом голубе, державшем в клюве свежий венок, с которым долго летал над домом Щетинина и «уронилъ его на Ключахъ, тамъ, гдѣ нынѣ дача Демидова». Венок не утонул, чем озаменовал «вѣчную радость любящимся». На памяти автора, между Трехгорными родниками старожилы показывали ключ с прозванием «Барышнинъ вѣночикъ» (121–122).

Пятая и восьмая повести сборника своей событийной основой восходят непосредственно к топонимическим преданиям, запечатлевшим память народа о двух исторических эпохах — до начала татаро-монгольского нашествия и царствования второго русского царя из династии Романовых — Алексея Михайловича (Тишайшего). В повестях представлены назидательные истории влюбленных, которые погибают вследствие того, что отступили от христианских заповедей.

Так, в повести «Свадебки и прекрасная дочка. Суздальское предание» речь идет о месте, которое в народе называют Кровавыми свадебками. По преданию, в этом месте находилось языческое капище, к которому, по обычаю, приезжали новобрачные. Здесь когда-то произошло страшное убийство, погибли участники двух свадебных поездов, богатого Болярина, выдававшего замуж прекрасную дочку, и «страшного» Могольца. Встретившись на узкой лесной дороге, ни та ни другая сторона не уступила дорогу, и нетерпеливый Моголец убил «самого наибольшего изъ провожатыхъ

прекрасной дочери». Столкновение двух свадеб закончилось страшным кровопролитием и гибелью всех участников. Знаком его теперь являются старые сосны, растущие на могилах, в память об «убиенныхъ», «онѣ заклѣты рости тутъ вѣчно» (90–93).

Сюжетную основу повести «Тверской вражек. (Хроника 1657 года)» составляет трагическая история погибших в светлое Пасхальное утро кузнеца Федора Сивцева и его невесты «чулошницы Грушиньки». Отправляясь в храм на праздничную службу, Федор думал о встрече с любимой и в храме искал ее глазами, а не найдя, бросился на поиски, не дождавшись окончания службы. Близ бывшей улицы Тверской вражек, в 1657 году в результате сильного разлива превратившейся в быстрый водный поток и послужившей местом гибели влюбленных, сегодня, по словам рассказчика, недалеко от этого места бьет ключ. К нему до недавнего времени «дѣвушки Тверскія и Никитскія» шли за водой и «долго, долго другъ дружкѣ рассказывали: какое бѣдовое дѣло собираться подѣ Великій день на молитву съ мыслию не объ одной только молитвѣ» (162–164). А поблизости, над могилой погибших и в память о них, «сосѣднія барышни» поставили памятный крест и часовню.

Таким образом, повести, восходящие к историческим преданиям, сохраняют фольклорную основу в качестве фавулы и морали, наставления в быту. Текстуально же они выстроены в сентиментально-предромантическом духе и ориентированы на ту или иную жанрово-стилевую характерность современной автору литературы.

В первой и второй повестях, где речь идет о становлении славянских племен, очевидна рецепция «Песен Оссиана», оказавших мощное воздействие на поэтику русской словесности в начале XIX века. Предромантическая мистификация Дж. Макферсона оказалась чрезвычайно близка поэтическим исканиям обновляющейся русской литературы, прежде всего, в аспекте архитектоники и стилистики.

Портрет героини первой повести выдержан вполне в оссианическом духе. Живописный пейзаж создает образительную и психологическую параллель ее образу, подчеркивает культивируемую Макферсоном устнопоэтическую традицию органичной связи человека и природы:

Страшно шумѣла рѣка наша Проня; сильно выли и свистали вѣтры отъ Сѣвера; долу преклонялись окрестныя темныя дубравы; но вдругъ еще быстрѣе закрутилъ вихрь отъ полудня, и при глазахъ отцевъ нашихъ онъ съ трескомъ свалилъ вѣсковый дубъ, стоявшій на ближней лужайкѣ... Ахъ, православныя люди! то-то было грозное время! <...> Бѣдно всегда бывало платьѣ на Шамовѣ; ноги босы, голова никогда ни чѣмъ не покрыта и — длинныя черныя волосы ея вѣтръ разносилъ, какъ хотѣлъ, по плечамъ у ней. <...> Темная туманная ночь покрывала лице Шамовы; на ея впалыхъ и мутныхъ очахъ витала смерть; но Шамова не плакала, а слезы сами собою, время отъ времени, крупными градинами катились по ея помертвѣлымъ щекамъ (3–5).

Шамова, выступая в роли основательницы рода, сетует на безжалостное время, отнявшее у нее близких людей. Рефреном в ее речи звучат горькое сетование: «Они всѣ умерли!» и восклицание: «Какъ зла эта смерть!». Подобно легендарному Оссиану поет героиня Макарова свою грустную песню о безвозвратно потерянном счастье и воссоздает живописные картины жизни прославленных прародителей славянского народа:

Проно и другіе боги: Лель и Полель, осыпали насъ щедротами блага. Ахъ! тогда и миръ, и любовь цвѣли въ нашемъ станѣ: на удѣлъ намъ доставались побѣды. Жестоки были зимы въ новомъ нашемъ пріютѣ; но суровость ихъ не нарушала тишины нашей жизни; зимы невидимо пролетали (14–15).

К «Песням Оссиана» поэтико-стилистически были близки многие героико-патриотические сочинения русских поэтов и писателей конца XVIII — начала XIX века. Повести Макарова с ними сближает напевная мелодичность речи; мысль о течении жизни и смерти человека, сопоставимых с кален-

дарным ритмом; мотивы родства человека с мифологически одухотворенной природой и безжалостного к человеку времени, обрекающего его на одиночество. Композиционно они ориентированы в большей степени не на динамику событий, а на статику описания и монолог. В этом смысле показательно, что значительную часть текста первой повести сборника занимает монолог героини — легендарной Шамовы, а живописные картины находящейся в постоянном движении природной стихии составляют параллель ее горькой, но достойной восхищения судьбе.

В поэтике и стилистике повестей М. Н. Макарова очевидно воздействие карамзинской повествовательной традиции. Повесть «Сирота Анисья. Внучка Марфы Посадницы» представлена как услышанная от «приятеля» автора, его сверстника. Очевидно, что история разлученных влюбленных Анисьи и Дмитрия тематически и стилистически отвечает строю повестей Н. М. Карамзина, обращенных к чувствительному читателю. Не случайно имя писателя упоминается до начала повествования. От лица автора дана оценка повести «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода»:

...истинно образцовая въ своемъ родѣ; написана прекрасно, и — что всего лучше — съ самыми близкими подробностями къ настоящему дѣлу: тутъ всѣ лица въ своихъ костюмахъ и годы повѣствовательной сущности не въ разбродѣ. У Карамзина столѣтія не прыгаютъ, а идутъ всегда по очереди (97–98).

Макаров выделяет не только художественные достоинства прозы Карамзина, но подчеркивает выраженную в них историческую правду. Правда эта касается, прежде всего, изображения человека — «лица в своем костюме». В контексте времени эта характеристика относилась не только к изображению внешнего вида персонажей, но также к их поведению, поступкам.

В повести «Сирота Анисья» Дмитрий, сын знатного новгородского боярина Салтыкова, и взятая в семью на воспитание сирота Анисья полюбили друг друга. По приказу отца семейства Анисья была отослана в дальний старорязанский

монастырь, где и провела долгие годы. Лишь через пятьдесят лет после того, как введенный в заблуждение Димитрий женился на татарской княжне, «является въ Новѣгородѣ Игуменья, Схимница-Праведная. Она пророчествуетъ, изцѣляетъ, знаетъ разумъ книгъ небесныхъ, помогаетъ больной супругѣ Димитрія <...>. Святая чудесная дѣва!» (74).

Сюжетная линия повести построена на разработанной Карамзиным типично сентименталистской коллизии социального препятствия в любви, однако разрешение ее утверждает в качестве добродетели не природную чувствительность сердца, а возвышенность духа. По своему смиренномудрию Анисья вознаграждена многими духовными дарами.

В повестях Макарова обнаруживается также влияние другой повествовательной линии, сложившейся в русской прозе 1800-х годов. Тогда широкое распространение получил жанр «старинной повести», для которого было характерно обращение к народному преданию, воссоздание колорита эпохи, внимание к образу «внутреннего человека», изображение идеальных отношений между людьми, нередко сочетающееся с определенной долей иронии; отчетливо выраженная авторская оценка происходящего. Развитие этого жанра мы видим в повестях В. А. Жуковского «Вадим Новгородский» (1803) и «Марьяна роща» (1809), «Повести о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском» П. Ю. Львова, в повествовательном цикле В. Т. Нарезного «Славенские вечера» (1809) и др. (см.: [5, 409–433]). Своеобразие жанра состояло, прежде всего, в ориентированности на народное предание, вследствие чего в творческом сознании автора происходило наслоение временных пластов. Христианское сознание совмещалось с мифологической (языческой) образностью, которая более или менее органично «встраивалась» в мир произведения. Так, в повести «Снежана» рассказчик, подчеркивающий в жизнеописании героев их смирение, кротость, самоотвержение в любви — истинно христианские ценности, связывает поворотный момент в развитии сюжета с чудесным образом явившейся герою на Мячковском кургане славянской богиней Дедилией.

В повести «Филипп Щетинин и Мадлена Тарновская» сказалась еще одна повествовательная традиция, определившая собой развитие русской прозы — готическая. В тексте повести воссоздается готический хронотоп, центром которого является замок с таинственным местом, где произошло некое злодейское преступление. Филипп Щетинин стал жертвой Тарновского, поклявшегося жестоко отомстить за поражение в бою и унижение своего отца старшим Щетининым. Пленника изнуряют голодом и тяжелой физической работой и содержат сначала в уединенной «таинственной» башне, затем в подземелье. Любовь Мадлены зарождается, когда она еще и не знает Филиппа, а только слышит грустную песню, разносящуюся по саду из скрытого места его заточения. Случайно обнаруженный героиней потайной вход в подземелье позволяет героям встретиться и осознать свою любовь. Готическая антитеза злодей — жертва (пан Тарновский и Филипп Щетинин) определяет собой сюжетное действие повести и разрешается примирением героев. В структуре произведения находят место наиболее характерные для готической прозы мотивы: непреднамеренное убийство, покушение на детоубийство, неузнанный друг (родственник), роковая ошибка, родовое проклятье и др.

Таким образом, в сборник «Повести из русских народных преданий» вошли сочинения М. Н. Макарова, в которых он следует за новгородским, суздальским, рязанским, московским преданиями. Автором сохранена их событийная основа, при том, что композиционное и речевое оформление текстов сводилось к предромантической повествовательной специфике — влиянию оссианической и готической традиции, карамзинской модели исторического повествования, «старинной повести» сентиментально-предромантического типа, сложившейся в русской литературе 1800-х годов в произведениях на историко-легендарные сюжеты.

Народное предание в повестях функционирует в качестве культурной традиции и соединяется со спецификой современных автору повествовательных жанров. Типология повестей определяется прерывистым характером сюжетной линии; особым вниманием к судьбе частного человека;

«готическим антропологизмом» — утверждением единства нравственной природы человека прошлого и настоящего. На фольклорную традицию накладывалась литературная, что позволяло выразить общее для русских людей понимание истины и лжи в отношениях людей между собой и в отношении к высшей, Божественной воле.

С точки зрения поэтической изобразительности и выразительности повести анализируемого сборника принадлежат литературе Нового времени, периоду становления индивидуально-творческого типа художественного мышления. Совмещение в них фольклорной основы с литературной традицией имеет как раз тот смысл, о котором писал А. Н. Веселовский, подчеркивая связь индивидуального литературного творчества с «преданием». Е. М. Неёлов, сделав объектом своего изучения фольклорную и литературную фантастику, считал необходимым выделить два аспекта этой связи: с одной стороны — культурная традиция, с другой — психологические импульсы, обусловленные неудовлетворенностью человека действительной жизнью. Он справедливо подчеркивал необходимость использования в их изучении того подхода, который сформировался в исторической поэтике: «Если психологическая сторона фантастики может изучаться средствами исторической поэтики прежде всего в аспекте ее исторической эволюции, связанной, в конечном счете, с ростом личностного сознания, то культурная традиция целиком подлежит ведению именно исторической поэтики» [7, 36].

В повестях Макарова фантастический элемент обусловлен воссозданием через посредство народного предания древнеславянских верований, основанных на магии. Так, старые сосны, с описания которых начинается повесть «Свадебки и прекрасная дочка», оказываются неподвластными времени и принуждены расти вечно. Появление дочери у бездетных героев повести «Снежана» является следствием благопожелания славянской богини Дедилии.

Дальнейшая деятельность М. Н. Макарова была связана с собиранием и опубликованием народных преданий вне поэтической беллетризации. Акцент он по-прежнему делал

на те сюжеты, в которых утверждались христианские ценности, либо демонстрировались трагические последствия отклонения от них. Ко второй половине 1830-х годов относятся многочисленные публикации М. Н. Макарова, передающие народные легенды и предания в том виде, в котором они были записаны автором. В частности, на страницах журнала «Московский наблюдатель» за 1836–1837 годы нашлось место для статей и очерков Макарова о православных святынях «Древняя и старинная Москва», «Достопамятности московские», «Русские предания», «Заметки о Москве» и др. Современный исследователь истории журнала пишет об информативной значимости этих публикаций и, следуя традиции, отказывает им в научной ценности, мотивируя свое суждение устаревшим на настоящий момент пониманием узко эмпирической природы научного знания [10, 187]. На самом деле, для собирателя фольклора важен не только эмпирический, но, на наш взгляд, в большей степени — духовный и нравственный опыт народа, передаваемый из поколения в поколение. В распоряжении Макарова не было исторических документов, но их и не могло быть. Народные предания еще не были к тому времени записаны и прокомментированы. Само желание видеть тексты собранных преданий напечатанными, очевидно, обусловлено пониманием важности их для разрешения болезненных вопросов времени — о власти и народе, греховности и святости тех, кто ответствен за судьбы Отечества.

Так, в статье «О посохе Александра Пересвета» речь идет о духовном водительство народа, определившем исход важнейшего в его истории момента. В ней автор сообщает, что близ города Скопина Рязанской губернии, в монастыре Святого Димитрия хранится посох или костыль легендарного монаха-воина, инока Троице-Сергиева монастыря, участие которого в Куликовской битве в значительной степени предопределило ее исход. Автор уверяет, что сам видел этот посох, сделанный из яблоневого дерева, подробно его описывает и воссоздает образ национального героя, подчеркивая, что он «посѣщаль всѣ пустыни, всѣ монастыри, молился

въ нихъ и вотъ здѣсь, на берегу небольшой рѣчки, почти въ виду степей Куликовыхъ, довѣрилъ свой страннической посохъ въ храненіе отшельнику, перепоясалъ себя мечемъ и явился на битву Донскаго съ Мамаемъ!»⁸

В статье «Русские предания» речь заходит о местах, связанных с судьбами царствующих семей. Рассказывая историю путевого Алексеевского дворца, мест, в которых, по преданию, любил охотиться с соколами царь Алексей Михайлович, Макаров воссоздает сохранившийся в народной памяти образ второй супруги царя. Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанная в этих местах, запомнилась поселянам тем, что «съ самага детства чуждалась всѣхъ игрищъ сельскихъ: она замѣчала въ нихъ какую-то неприличность для скромной и тихой жизни дѣвической <...>. Зато ужъ храмъ Господень всегда составлялъ главный предметъ въ жизни будущей русской царицы. Многія молитвы она умѣла читать наизусть и потому творила ихъ во всякое время, когда только могла; и отъ того-то самага подруги ея боярышни, изъ зависти, или просто въ насмѣшку прозывали ея Желчинскаю черничкаю. Въ селѣ Желчино вамъ покажутъ и мѣсто, гдѣ любила стоять и молиться мать Петра Великаго; въ 1821 году я самъ его видѣлъ»⁹.

Приводит автор и другие сюжеты, свидетельствующие о том значении, которое имело Православие в судьбах русских правителей, их дочерей, жен и сестер. Так, описывая достопамятности Суздаля, Макаров передает сказание о святой Ефросинии, дочери Михаила Черниговского, давшей обет Богу и поступившей доброй волей в монастырь, когда умер за день до свадьбы нареченный ей в мужа суздальский князь Минна Иоаннович.

Среди пересказанных М. Н. Макаровым народных преданий выделяются обращенные к истории церквей, монастырей, дворцов. В них автор делает акцент на том, что в допетровской Руси повседневная жизнь русской знати строилась соответственно традиционным патриархальным установлениям. В «Заметку о Москве» введен эпизод о приюте для бедных, в котором автор подчеркивает мысль о милосердии власти к народу, о единстве нации, скрепленной

православным бытом. Очевидно, что в народных преданиях Макарову была близка драгоценная мысль о православном укладе жизни, бывшем основой национального единства, о сближении знатного человека с простым, когда церковный календарь и церковные таинства ставили их рядом.

В сборнике «Повести из русских народных преданий» М. Н. Макаровым движет очевидное желание утверждать любовь, милосердие, преодоление гордыни, долготерпение, чистосердечное раскаяние православного человека, чтобы упрочить их в сознании своего современника. Повести служат воссозданию образа русской «старины» с точки зрения нравственного и этического идеала, отвечавшего характеру авторской исторической эмоции.

Примечания

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Рязанской области. Проект 15-14-62001 а(р).

¹ Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825. СПб., 1880. Т. 2. С. 278.

² Руское національное пѣснопѣііе. М.: Въ Университетской типографіи, 1809. С. 4.

³ Там же. С. 9.

⁴ [Макаровъ М. Н.] Русскія преданія: [в 3 кн.]. Одна книжка, изданная М. Н. Макаровымъ. М.: Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 1838. С. 6.

⁵ Макаровъ М. Н. Повѣсти изъ русскихъ народныхъ преданій. М.: Въ типографіи С. Селивановскаго, 1834. Предисловіе (без нумерации страниц). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

⁶ В примечании указано неполное имя «добраго пріятеля и неразлучнаго моего спутника по Царству Русскому» — «И. В. Смирнв» (Повѣсти изъ русскихъ народныхъ преданій. С. 9). Очевидно, имеется в виду И. В. Смирнов, знакомство с которым относится к 1803 году, когда тот был студентом Славяно-греко-латинской академии, публиковался как переводчик. Позднее стал подмосковным священником [11, 469].

⁷ Очевидно, имеется в виду С. И. Крюков, друг юности М. Н. Макарова, совместно с которым в 1804 году было осуществлено издание «Журнала для милых» [11, 469].

⁸ [Макаровъ М. Н.] Русскія преданія. Одна книжка... С. 123.

⁹ Макаровъ М. Н. Русскія преданія. Вторая часть // Московский наблюдатель. 1837. Ч. XII. С. 512.

Список литературы

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики. — М.: Учпедгиз, 1958. — 479 с.
2. Базанов В. Г. Русский эпос в литературных интерпретациях XIX века // *La poesia epica et la sua formazione*. — Roma, 1970. — С. 333–340.
3. Бутромеев В. П. Верования и предания русского народа: толковый словарь. — М.: Вече, 2010. — 239 с.
4. Зуева Т. В. Предание // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А. Н. Николюкина; ИНИОН РАН. — М.: Интелвак, 2001. — Стлб. 794–795.
5. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: монография / Т. В. Федосеева, А. В. Моторин, А. И. Разживин и др.; под ред. Т. В. Федосеевой. — Рязань: РГУ, 2012. — 492 с.
6. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980 [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=76399> (20.06.2015).
7. Неёлов Е. М. Фантастический мир как категория исторической поэтики // *Проблемы исторической поэтики*. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1990. — [Вып. 1] — С. 31–40.
8. Предания русского народа / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. — М.: Вече, 2008. — 350 с.
9. Разживин А. И. Неизвестная поэма М. Н. Макарова // *Забытые и малоизвестные писатели как феномен русской культуры: межвуз. сб. / науч. ред. А. И. Разживин*. — Елабуга: ЕГПУ, 2008. — Вып. 1. — С. 45–51.
10. Рамазанова Г. Г. Публикации М. Н. Макарова о Москве (по страницам журнала «Московский наблюдатель») // *Известия Самарского научного центра РАН*. — 2011. — Т. 13. — № 2. — С. 182–187.
11. Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич // *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. К–М* / гл. ред. П. А. Николаев. — М.: Большая российская энциклопедия, 1994. — Т. 3. — С. 468–469.
12. Тихомиров М. Н. Русское летописание. — М.: Наука, 1979. — 383 с.
13. Фомичев С. А. Грибоедов: энциклопедия. — СПб.: Нестор-История, 2007. — 393 с.

Tatiana V. Fedoseeva

*Ryazan State University named for S. Yesenin
(Ryazan, Russian Federation)
t.fedoseeva@rsu.edu.ru*

**RUSSIAN LEGENDS
IN THE HISTORICAL TALES
BY M. MAKAROV**

Abstract. The article analyses the works by M. Makarov, one of the little-known Russian authors of the first third of the 19th century. There is an interest to the author's works due to the controversy of the genre specificity of Russian prose of the 1830-s and the topicality of the Orthodox-oriented governmental way of thinking, which is expressed in his works. The collection "Stories from the Russian folk tales" targets folklore as the form of expression of the national spirit and ethics. The historical, toponymical and ethnogenetic legends of Vladimir, Novgorod, Ryazan and Moscow lands form the plot of the stories of the collection. At the poetic and stylistic levels the article reveals the correspondence of the analyzed stories to Karamzin's model of a sentimental pre-Romantic tale of the 1800-s. Its typological specificity consists in a broken plot line; in special attention to a person's destiny; in the "Gothic anthropologism", which asserts the unity of human morals of the past and of the present. The fictionalized plots of the legends in Makarov's tales serve to accentuate the Orthodox-based spiritual guidelines and moral values of the nation. As a result, the undertaken study substantiates the special type of folklorism of Russian historical prose in the first third of the 19th century. The combination of the features of oral poetical and literary genres comprises its peculiarity.

Keywords: literature and folklore, a folk tale, spirit of the nation, national ethics, Orthodox way of life, M. Makarov, the historical tale in the first third of the 19th century, poetics and stylistics of the genre

References

1. Azadovskiy M. K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki* [*The history of Russian folkloristics*]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958. 479 p.
2. Bazanov V. G. Russkiy epos v literaturnykh interpretatsiyakh XIX veka [Russian epic in literary interpretations of the 19th century]. *La poesia epica et la sua formazione*. Roma, 1970, pp. 333–340.
3. Butromeev V. P. *Verovaniya i predaniya russkogo naroda: tolkovyy slovar'* [*Russian beliefs and legends: explanatory dictionary*]. Moscow, Veche Publ., 2010. 239 p.

4. Zueva T. V. Predanie [Legend]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and notions]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 794–795.
5. *Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, estetika, poetika* [The literature of Russian pre-Romanticism: world-view, aesthetics, poetics]. Ryazan', Ryazan State University Publ., 2012. 492 p.
6. Medrish D. N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya* [Literature and folk tradition]. Saratov, 1980. Available at: <http://bookre.org/reader?file=76399> (accessed 20 June 2015).
7. Neyolov E. M. Fantasticheskiy mir kak kategoriya istoricheskoy poetiki [The fantastic world as a category of the historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 1990, vol. 1, pp. 31–40.
8. *Predaniya russkogo naroda* [Russian legends]. Moscow, Veche Publ., 2008. 350 p.
9. Razzhivin A. I. Neizvestnaya poema M. N. Makarova [The unknown poem by M. Makarov]. *Zabytye i maloizvestnye pisateli kak fenomen russkoy kul'tury* [The forgotten and little-known authors as a phenomenon of Russian culture]. Elabuga, Elabuga State Pedagogical University Publ., 2008, issue 1, pp. 45–51.
10. Ramazanova G. G. Publikatsii M. N. Makarova o Moskve (po stranitsam zhurnala “Moskovskiy nablyudatel”) [The publications of M. N. Makarov about Moscow (in the pages of the magazine “Moscow observer”)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [The Bulletins of Samara scientific center of RAS], 2011, vol. 13, no. 2, pp. 182–187.
11. Stepanov V. P. Makarov Mikhail Nikolaevich [Makarov Mikhail]. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar'. K–M* [Russian writers of the 1800s–1917s. Biographical dictionary. K–M]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1994, vol. 3, pp. 468–469.
12. Tikhomirov M. N. *Russkoe letopisanie* [The Russian chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 383 p.
13. Fomichev S. A. *Griboedov. Entsiklopediya* [Griboedov. Encyclopedia]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007. 393 p.

Дата поступления в редакцию: 25.06.2015